

Кузнецова Т.И.
„ES VIŅU PAZĪSTU: LATVIEŠU BIOGRĀFISKĀ VĀRDNĪCA” (1939):
ОПЫТ АНАЛИЗА ИСТОЧНИКА

В основе данной работы лежит ряд не блещущих новизной, но для автора важных положений, которые определяют методы анализа исторических источников и, прежде всего, вербально-письменных. Во-первых, исторический источник – это любой текст, понимаемый как различного характера внешнее выражение человека, которое в силу этого является актом и результатом коммуникации. Поэтому текст можно определить как узел разнохарактерных и разноуровневых социальных связей. Во-вторых, текст является целостностным и качественно определенным. В-третьих, природа текста двойственна: он и творение, исторически, социально и индивидуально обусловленное в своем «рождении», и творец, обладающий социальным созидательно-разрушительным потенциалом. В-четвертых, ядром текста (в обоих его ипостасях) является воплощенная в нем, в его разного уровня структурных компонентах определенная картина мира, причем как отражающая наличные представления людей о себе и о мире, так и формирующая их. И в-пятых, любого характера текст есть составная часть социальной реальности – «физической», и эмоционально-ментальной, являющейся предметом исторической науки. И сама реальность предстает системой разнородных текстов, анализируя которые историк пытается увидеть, понять и в конечном итоге реконструировать социальное целое.

Для Латвии конца 30-х годов XX века особой значительностью обладал такой текст как биографический словарь «Es viņu pazīstu: Latviešu biogrāfiskā vārdnīca/ Я его знаю: Латышский биографический словарь», изданный в 1939 году. Редактором этой книги стал человек достаточно молодой (родился в 1902 году), закончивший классическую гимназию в Елгаве, учительские курсы, изучавший в Латвийском университете теологию и юриспруденцию и рано начавший активную жизнь публициста: с 1923 по 1975 год он был членом редакции и редактором многих газет и журналов, опубликовав более 1000 газетно-

журнальных статей и написав 12 книг, – к 1979 же году заведовавший 10. Рижской городской библиотекой [1, с. 504] – Жанис Унамс. По его свидетельству, работа над составлением биографического словаря была начата в январе 1939 года и закончена в ноябре того же года. Сия книга уникальна как своей типичностью, так и экстраординарностью. Она типична, поскольку вписывается в известный ряд биографических изданий, дающих синхронический срез общества. Но одновременно и исключительна как по актуализации в ней структуры исторического календаря, ежедневно публикуемого на страницах газеты «Brīvā Zeme»/«Свободная Земля» [см.: 4], так и по придаваемому ей с самого начала статусу. Вдохновителем подготовки и публикации данного издания, а также автором его названия был Карлис Улманис – глава правительства и президент страны. Книга вышла для масштаба Латвии немалым тиражом в 6500 экземпляров и разошлась, по словам Ж. Унамса, за пять месяцев [1, с. 3]. Тотчас же приступили к разработке второго дополненного издания, в которое предполагалось включить уже около 8000 биографий. Оно должно было увидеть свет в ноябре 1940 года. При этом имело место намерение каждые 2 – 3 года переиздавать с дополнениями данный биографический словарь. Подобные замыслы указывают на статус действенного идеологического средства консолидации общества, его стабилизации, в чем оно весьма нуждалось в 1939 году. Это был год, когда, как отметил К. Улманис в своем обращении к народу 12 октября (причем опубликовано было речь К. Улманиса как на латышском, так и на русском языках), «события на полях войны и в кабинетах государственных мужей происходят с невиданной прежде, невероятной стремительностью» [1, с. 1], когда уже начался отъезд балтийских немцев в Германию и об этом же стала думать часть латышей [1, с. 7], когда среди них в связи с заключением договора о взаимопомощи с Советским Союзом на фоне эмиграции немцев возникли панические настроения [1, с. 7]. Об идеологической, социально-созидательной значимости этой книги говорит и факт её переиздания в 1975 году в Мюнхене под редакцией того же Ж. Унамса.

Итак, какая модель осмысления и переживания общества формировалась биографическим словарем „Es viņu pazīstu”, обеспечивая его идеологическую функцию? Первостепенное значение в её выявлении имеют такие параметры текста как название книги и соотнесенный с ним отбор материала.

Название исследуемого текста – «Es viņu pazīstu: Latviešu biogrāfiskā vārdnīca/ Я его знаю: Латышский биографический словарь» – указывает, во-первых, на людскую общность, скрепленную энергией личных отношений («я его знаю») и потому эмоционально окрашенную, причем подчеркивается активность, инициатива, исходящие от индивидуального я; во-вторых, на бытие в настоящем, поскольку личное местоимение «я» обнажает «вот-здешность» [5, с. 468]; в третьих, на этническую гомогенность социума. Однако содержание книги, отбор информации и характер её подачи не вполне соответствует задаваемым контурам образа латышского общества. Так, данная книга демонстрирует диахронический срез общества, включая в свой состав лиц как живших в IX веке, так и родившихся в веке XX. Например, с одной стороны, упоминается Локерс, бывший в конце IX в. правителем куршей и, по сведениям Саксона Грамматика, разбивший датчан, пленивший их вождя Хавдинга и даровавший ему после исцеления свободу [1, с. 317]. С другой же стороны, в биографическом справочнике находим данные о весьма молодом человеке – конькобежце Альфонсе Берзиньше, появившемся на свет в 1916 году [1, с. 68]. Подобный подбор персонажей утверждал укорененность латышей в мире, создавал временную перспективу, обнаруживал глубину настоящего и тем самым внушал представление о настоящем моменте как достигнутой цели на долгом пути. О

правомерности такого вывода свидетельствуют устойчивые обороты встречающиеся в характеристике лиц: «борец за права крестьян»^{*}, «участник борьбы за свободу»[†], «пал смертью героя»[‡] или «пал смертью мученика»[§]. Более того подобные лексические формулы, отмечающие акт жертво-приношения/самопожертвования, придают настоящему состоянию латышского общества оттенок сакральности и обещания экзистенциальной вечности.

Парадигмально такое видение человеческого мира связано с новозаветной концепцией истории. Однако очевидно существенное отклонение от неё: новозаветно-христианское представление об истории, признавая в ней цель, отрицает достижимость её сейчас и здесь и тем самым исключает абсолютизацию какого-либо земного сообщества, манифестирует её (цели) долженствование и одновременно принципиальную неизвестность сроков её исполнения. И, таким образом, наличный мир всегда предстает в состоянии становления [см., например, 3, с. 98].

Диахроничность содержания анализируемой книги состоит и в значительном удельном весе имен лиц, к 1939 году уже ушедших в мир иной: таковых 777 (из общего числа 6336), причем весома доля тех, кто жил и умер до 1900 года (280 из 777), т. е. тех, кто принадлежал к иным поколениям, не могущим встретиться во времена Первой Латвийской республики. Сочетание живых и мертвых в пространстве одной книги вкупе с принципиальной незавершенностью её (уже в первое издание в связи с уехавшими из страны немцами были внесены изменения) формировало представление об обществе как растущем органическом целом. Быть может, потому так существенен генеалогический момент в структуре сведений о включенных в биографический словарь людях, который заставлял сообщать данные (имена, род занятий) об отцах, матерях, мужьях, женах, братьях.

Для этого «организма» важны все его члены, независимо от возраста (возрастной перепад составляет от 90 до 20 лет) и социальной значимости лица. Таким образом вырисовывается путь долгой напряженной борьбы, приведший к органическому единству, основание коего – этноцентризм, проявлявшийся двояко. По отношению к настоящему он сказался в тщательной фиксации (со всеми перемещениями на протяжении жизни) разного уровня должностных позиций, занимаемых латышами, и акцентированием их плодотворной деятельности в области науки, искусства и литературы. По отношению же к прошлому этноцентризм выразился в том, что большинство прежде живших на территории Латвии представителей инациональных групп (особенно немцы) упомянуты в связи с их заслугами перед латышами или просто положительным отношением к последним.^{**} При этом заданный названием рассматриваемого текста и очевидный в характере описания лиц этноцентризм сочетался с полиэтничностью состава этих лиц. Так, в книге упоминаются 129 немцев, 68 русских, 12 поляков, 8 литовцев, 8 евреев, а также датчане, голландцы, англичане, белорусы, венгр, «размещение» которых во времени различно. Заметны насыщенность прошлого немцами и необремененность его

^{*} См., например: «Дзирна Тенис, 1735 – 1808, сельский хозяин, борец за права латышских крестьян» [1, с. 148].

[†] Например: «Бекерис Паулс, сельский хозяин, старейшина Баускской волости, родился в 1901 году, участвовал в борьбу за свободу Латвии 1, с. 61].

[‡] Например: «Эмберс Арнолдс, 1901 – 1920, солдат Резекненского полка, пал смертью героя у Мечан на Латгальском фронте» [1, с. 156].

[§] Например: «Фихтенбергс Карлис, 1886 – 1919, лейтенант, герой борьбы за свободу Латвии, пал смертью мученика» [1, с. 164].

^{**} Например: «Бруинингс Карлис, 1782 – 1848, прибалтийский немец, хозяйственник, доброжелатель латышей» [1, с. 100].

присутствием других, что вкупе с подчеркиванием благих деяний немцев для латышей подводило к мысли о будущем скорее с немцами, чем с кем-либо другим, ибо залог тому – весьма гармоничное прошлое.

Кроме того, выявленный отбор материала и характер его подачи, во-первых, должен был снять определенное напряжение в отношениях с немцами в 1939 году, а во-вторых, открывали возможность расширительной интерпретации этнонима «латыш», который на фоне достаточно частого упоминания представителей инациональных общностей становился обозначением гражданина Латвии.

Содержание книги не вполне отвечало заявленному в её названии принципу этнической гомогенности ещё и в том плане, что в ней значителен удельный вес имен иностранцев – подданных других стран, которые то благоволили латышам, Латвии (таких лиц 27), то были почётными консулами Латвии (таковых фигур 60). Подобным образом утверждалось присутствие Латвии в мировом, главным образом западном пространстве.

Итак, проведенный анализ книги «Es viņu pazīstu» позволяет определить предлагаемую ею модель осмысления и переживания социума как эмоционально-чувственную, для которой характерны следующие представления:

- 1) мы укоренены во времени и потому являемся историческим народом;
- 2) мы есть растущее органическое целое, состоящее из множества членов, заметных и почти неизвестных, но необходимых для существования целого;
- 3) мы находимся в западном, европейском пространстве.

Такая система представлений вела к определенной абсолютизации наличного состояния общества, вербальным воплощением которого и стала данная книга.

1. Es viņu pazīstu : Latviešu biogrāfiskā vārdnīca / Žanis Unāms. – [B. v.]: Raven Printing, 1975.
2. Uguns šķīsta zeltu, grūtības – cilvēku: Valsts Prezidenta K. Ulmaņa Vēstījums tautai 12. oktobrī 1979. g. – [B. v.]: Rota, [b. g.] – 1.–9. lpp.
3. Аверинцев, С. Поэтика ранневизантийской литературы / С. Аверинцев. – Москва: Coda, 1997. – 343 с.
4. Кузнецова, Т. История на страницах «Brīvā Zeme» (1929): некоторые особенности подачи информации в историческом календаре / Т. Кузнецова // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XII Zinātniskie lasījumi: Vēsture VI (1). – Daugavpils: Saule, 2003. – С. 100–109.
5. Топоров, В.Н. Об индивидуальных образах пространства: «феномен» Батенькова / В.Н. Топоров. – Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифологического. – Москва: Прогресс; Культура, 1995. – С. 446–475.